

УДК 792.8

О. И. Розанова

НИКИТА КСЕНОФОНТОВ. ПОРТРЕТ ВЫПУСКНИКА

В новом репетиционном зале балетной Академии (под номером семь), похожем на огромный, пронизанный светом куб, к репетиции готовились трое: педагог-репетитор Вадим Анатольевич Сиротин и ученики выпускного класса Элина Камалова и Никита Ксенофонтов. Ученики не спеша разминались, репетитор колдовал у магнитофона.

Зазвучала музыка «Цыганского танца» из «Дон Кихота» — взлетающие все выше и выше, подгоняющие друг друга пассажи. Никита, словно подхваченный ветром, буквально полетел по кругу, завертелся волчком на одном месте. Потом вместе с призывными аккордами взвился в воздух, свив тело кольцом, на секунду приземлился, юрко вывернулся, повторил прыжок и поворот, затем, двигаясь по полукругу спиной к зрителям, отчеканил быстрым перебором ног ритм музыки, снова взвился в воздух замысловатым прыжком, упал на колено, ударив по полу ладонью, и решительно вышел вперед. Бросаясь в отчаянные пируэты и резко их обрывая, он шагал вдоль воображаемой рампы, рассекая кнутом воздух...

Однако движения танца сами по себе уже давно как бы растворились в сгустке энергии, которую излучал исполнитель. Перед вами был уже не ученик выпускного класса — небольшого роста, светловолосый, сероглазый, с открытым русским лицом, но сама мятущаяся душа непокорного, вольнолюбивого цыганского племени. По логике композиции номера цыгану вскоре придется сдержать страсть, распластавшись у ног молодой цыганки. Дуэт влюбленных начинается как поединок равновеликих волей, не желающих подчиниться друг другу. Но взаимное чувство берет свое, и молодая пара соединяется в согласном плясе. Как и положено, Никита на время загнал бушующую страсть внутрь, но, когда она вновь вырвалась на простор, его танец буквально зазвенел от счастья,

Никита Ксенофонтов в Мемориальном кабинете истории отечественного хореографического образования (АРБ имени А. Я. Вагановой). 2014 г.

которым его герой хотел поделиться со всем миром. Подхватив на руки партнершу и повернувшись с ней вокруг себя, цыган упал на колени, опустил на него откинутую корпус цыганку и победно вскинул руки, завершив танец на экстатической ноте.

Признаюсь: случайно заглянув в репетиционный зал, я встретила с чудом — явлением большого, чистопородного таланта, какой не часто встретишь среди учеников Академии, да и на профессиональной сцене. Талант Никиты Ксенофонтова признали и крупнейшие балетные авторитеты страны. На Первом Всероссийском конкурсе артистов балета и хореографов по специальности «народно-сценический и характерный танец», который состоялся в Москве 22–27 ноября 2014 г., Никита завоевал первую премию, золотую медаль и звание лауреата. Не чудо ли — ученик одержал победу над многими серьезными соперниками, в том числе артистами балета Большого театра. Но чуда могло и не случиться, если бы не деятельное участие в судьбе Никиты преподавателя Академии Вадима Анатольевича Сиротина. Блестящей победой на конкурсе Никита во многом обязан ему.

Еще раньше, репетируя массовые и ансамблевые номера, Сиротин заметил исключительную одаренность Никиты. Когда представился случай, решил показать его на престижном конкурсе и, получив добро ректора Н. М. Цискаридзе, приступил к работе. Прежде всего руководитель будущего конкурсанта определил репертуар, остановив выбор на двух сольных характерных партиях — популярный «Гопак» (хореография Р. Захарова), «Эспада» (картина «Кабачок», хореография Р. Гербека и И. Бельского) и уже упомянутый «Цыганский» из «Дон Кихота» (хореография И. Бельского и Н. Анисимовой) с партнершей, в конкурсе не участвующей. Четвертый номер — сольную композицию на тему греческого танца Сиртаки — сочинил сам Сиротин.

В «Цыганском» Сиротин добивался от Никиты той пластической свободы, которой восхищался сам и старался перенять, репетируя партию в Мариинском театре с неподражаемым цыганом, уникальным танцовщиком Анатолием Сапоговым.

Отрабатывая «Эспаду», педагог-репетитор не ограничился шлифовкой манеры и пластики, но несколько модернизировал хореографию, усилив ее технически. В средней части поставил новый кусок — туры с падением на колени, прыжки, имитирующие игру с быком. В третьей части добавил разножку в шпагат.

Для виртуозного «Гопака» Сиротин, изучив всевозможные варианты, выбрал предельно сложный. Никита легко брал любые технические барьеры, но с кругом жете антурнан (козлы) пришлось повозиться. Когда в начале октября Никита станцевал «Гопак» на концерте в Эрмитажном театре, Цискаридзе предложил технически усилить этот круг, а заодно показал, как нужно делать прыжок-разножку, с которой начинается танец. Чтобы помочь Никите, Сиротин проштудировал исполнение круга Нуреевым и Барышниковым, вспомнил, как делали этот трюк в «Запорожской Сечи» наши виртуозы — А. Павловский и А. Лифшиц, проконсультировался с педагогом из ансамбля Игоря Моисеева. Совместные усилия дали нужный результат, но Сиротину этого было недостаточно, важно было за каскадом прыжков и пируэтов не потерять образность танца. Ему хотелось видеть здесь не бесшабашного хлопца, но мужественного, благородного героя, ведь в балете «Тарас Бульба» это была вариация Остапа. Поэтому особое внимание уделялось связкам между виртуозными пассажами, проходкам, жесту.

По признанию Сиротина, работа доставила ему огромное удовольствие. Ловкий, с природной координацией, энергетикой, Никита легко справлялся с техническими трудностями. «У него есть характер. А на сцене он раскрывается еще ярче, чем в зале, умеет концентрироваться. Есть даже элемент непредсказуемости, плюс артистизм от природы, подкупающее обаяние», — говорит Сиротин.

Действительно, Никита — прирожденный артист. Стоит зазвучать музыке, и он мгновенно преображается. Спонтанное, свободное проявление артистизма обеспечено исключительной физической силой и сноровкой танцовщика. Эти качества обнаружились в раннем детстве. По словам Никиты, он с малых лет ощущал непреодолимую тягу к движениям с максимальной нагрузкой и риском и реализовал эту потребность, поступив в трехлетнем возрасте в цирковое училище на отделение акробатики. Успехи были столь очевидны, что мальчика вскоре определили в старшую группу и даже предложили выступать в цирке, для чего из Москвы пригласили постановщика номера.

Работа была в самом разгаре, когда случилась беда. Из-за оплошности партнера Никита упал с верхней поддержки, приземлился неудачно и получил сложнейшую травму (компрессионный перелом в грудном отделе позвоночника). В критической ситуации обнаружилось еще одно ценное качество Никиты — мужской характер, не уступающий силе его мышц. Неугомонный Никита выдержал и целый год на вытяжке, и гипсовый «корсет» по пояс, умудряясь «контрабандой» поработать ногами и руками. Недуг он преодолел, но с мечтой о карьере циркового артиста пришлось распрощаться. Но не со спортом: по совету врачей Никита занялся плаванием.

Удача сопутствовала ему и на воде. В девять лет он был зачислен в команду ватерполистов, был нападающим. Но по целым дням находиться в бассейне ему наскучило, да и невероятная затрата сил особой радости не приносила. Зато все больше привлекал танец, ведь параллельно со спортом Никита ходил в танцевальный кружок. Уроки в школе, правда, частенько, прогуливал, но тут выручала мама — учительница начальных классов, да и сообразительностью бог Никиту не обидел.

Еще одна учительница — сестра матери, преподававшая характерный танец в Казанском хореографическом училище, — привела туда Никиту «на экскурсию». Племяннику все так понравилось (да и медики рекомендовали встать к балетному станку), что через год он оказался в числе учащихся первого-пятого класса. Спортивная закалка не подвела и здесь. Никита делал успехи, опережая сверстников. Через несколько лет станцевал поставленную на него вариацию, где исполнял восемь раз подряд двойные туры в воздухе, на что способны не все солисты. Обнаружились и несомненные актерские задатки. Например, в балете «Морозко», сочиненном для училища петербургским балетмейстером Александром Полубенцевым, Никита отличился в роли Зайчика, повзрослев, справился с технически сложной ролью Медведя и, наконец, предстал самой Бабой-Ягой. Не дерзая соперничать с великим Леонидом Якобсоном, много лет назад создавшим миниатюру «Баба-Яга», Полубенцев включил его шедевр в свой балет. Помимо технических умений, номер требует исключительной выносливости и натренированной «дыхалки», не случайно он предназначался танцовщикам «технарям». Со всем этим совладал ученик средних классов Ксенофонов. Удался ему и двуединый образ Бабы-Яги: то грозной фурии, несущейся по поднебесью, то — засыпающей на ходу дряхлой старухи.

Острохарактерная роль Бабы-Яги стала для Никиты вершиной ученичества в казанской балетной школе. Ему хотелось чего-то нового, еще не изведенного, хотелось двигаться дальше, и он снова заскучал. Выход нашли родители, отправив сына в Петербург. В знаменитую Вагановскую академию пятнадцатилетнего Ксенофопова приняли, правда, предложив повторно пойти в пятый класс по специальности. Никиту это не смутило, ведь учиться можно было не три оставшихся до выпуска года, а четыре, — за этим он и приехал в Петербург.

Три года Никита занимался классическим танцем у Ф. И. Миоцци. Преподаватель отличал внимательного, хваткого, трудолюбивого новичка, а тот упорно работал над совершенствованием танцевальной формы, боролся с недостатками телосложения. В выпускном классе о строгости академических канонов заботился А. А. Ермоленков. Он тоже ценил понятливого, технически сильного ученика, хотя и понимал, что в силу уже упомянутого телосложения и небольшого роста карьера балетного премьеры Ксенофонову не грозит.

Зато в характерном классе темпераментный Никита был в своей стихии. Два года занимался с Е. А. Шерстневой и еще два с Н. Б. Тарасовой. Первый педагог, по его словам, научила профессиональной дисциплине, умению сдерживать эмоциональный пыл, не теряя внутренней свободы. Второй мастер значительно расширила танцевальный репертуар.

Выносливость и физическая сила пригодились на дуэтном танце. На радость преподавателю К. Мясникову, Никита на государственном экзамене четыре раза подряд исполнил каждую комбинацию с разными партнершами, поскольку девушек в классе было намного больше, чем юношей. А на экзамене по актерскому мастерству Никита особенно отличился, исполнив номер Якобсона «Вестрис». Преподаватель А. А. Степин — в прошлом солист «Хореографических миниатюр», любимец хореографа — оценил работу Ксенофопова как исключительную

по глубине проникновения в образную суть постановки и мастерству ее воплощения.

На выпускном спектакле Никита проявил себя и как характерный танцовщик, и как актер. В первом акте из «Спящей красавицы» он преобразился в коварную, мстительную Фею Карабосс. Во втором акте «Лауренсии» дал волю темпераменту в пламенном фламенко. Долгий период обучения остался позади, впереди была новая — взрослая жизнь. Но странная вещь — ни один петербургский театр, включая балетную труппу имени Леонида Якобсона, не предложил многообещающему выпускнику место танцовщика. В какой-то мере можно понять Мариинский театр, где во главу угла ставят внешние данные исполнителя — рост и фигуру. Но в Михайловском Ксенофонтов мог бы иметь обширный репертуар: Али и Ланкедем в «Корсаре», Индусский и Золотой Божок в «Бядерке», Ален в «Тщетной предосторожности», Цыган и Эспада в «Дон Кихоте», Менго в «Лауренсии», Филипп в «Пламени Парижа» и др. Танцовщик редкой пластичности пригодился бы и в балетах Начо Дуато, занимающих значительную часть афиши театра. А ведь в Михайловском всегда, с момента основания балетной труппы, ценили актерскую индивидуальность. Неужели некий «стандарт» дороже нынче, чем большой талант, помноженный в случае с Никитой еще и на удивительное для начинающего артиста техническое мастерство?

Р. С. Свой первый сезон Ксенофонтов начинает в Новосибирском Академическом театре оперы и балета — сразу с заглавной роли в премьерном балете Э. Хачатуряна — К. Майорова «Чиполлино».